

ЛАТЫПОВ Вадим Сагитьянович
Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Россия,
e-mail: Vadi-Latypov@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3166-8527>

LATYPOV Vadim Sagit'yanovich
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Ufa, Russia.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ПРИСЯГИ: ПРАВОВОЙ РУДИМЕНТ ИЛИ НЕДООЦЕНЕННАЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ ПРОЦЕДУРА?

THE CRIMINAL PROCEDURAL PHENOMENON OF THE OATH: A LEGAL RUDIMENT OR
AN UNDERVALUED PUBLIC LAW PROCEDURE?

Аннотация. В центре научного внимания автора – вопрос о том, является ли присяга как процессуальный механизм правовым рудиментом, безвозвратно утратившим свою актуальность в современном уголовном правосудии, либо ее следует считать ценной, но недооцененной публично-правовой процедурой, позволяющей повысить эффективность уголовного судопроизводства за счет усиления нравственной ответственности участников за содержание (полноту и правдивость) показаний. Цель: проанализировать процессуальный институт присяги, определить его потенциал, направленный на усиление доверия населения, участников уголовного судопроизводства к уголовному правосудию и повышение ответственности за дачу показаний. В ходе исследования использованы: метод исторического анализа, позволивший определить роль и значение присяги в уголовном судопроизводстве в разные периоды; сравнительно-правовой, с использованием которого проведен анализ уголовно-процессуального законодательства отдельных зарубежных стран; правового моделирования, позволивший определить, какие преобразования нормативной основы процедуры приведения к присяге отдельных участников российского уголовного судопроизводства необходимы. Результаты: процедура приведения к присяге участников уголовного судопроизводства способствует формированию правильного отношения допрашиваемых к своей процессуальной обязанности, заключающейся в даче правдивых и полных показаний, повышает доверие общества к правосудию.

Abstract. The author's scientific focus is on the question of whether the oath, as a procedural mechanism, is an outdated legal rudiment that has irretrievably lost its relevance in the context of modern criminal justice, or whether the oath should be considered a valuable but underestimated public law procedure allowing to increase the efficiency of criminal proceedings by strengthening the moral responsibility of participants for the content (completeness and truthfulness) of testimony. Purpose: to analyse the procedural institution of the oath, to determine its potential for strengthening the trust of the population, participants in criminal proceedings towards the criminal justice system and increasing responsibility for giving evidence. In the course of the study, the method of historical analysis is used, which makes it possible to determine the role and significance of the oath in criminal proceedings in different periods; the comparative legal method based on the analysis of criminal procedure legislation of some foreign countries; as well as the method of legal modeling, which allows to determine what transformations are required in the existing regulatory basis of the swearing-in procedure for individual participants in Russian criminal proceedings. Results: the swearing-in procedure for participants in criminal proceedings contributes to the formation of a correct attitude of those questioned to their procedural obligation to give truthful and complete testimony, and increases public confidence in justice.

Ключевые слова: правосудие, присяга, клятва, торжественное обещание, уголовный процесс, показания, допрос

Для цитирования: Латыпов В.С. Уголовно-процессуальный феномен присяги: правовой рудимент или недооцененная публично-правовая процедура? / В.С. Латыпов. – DOI 10.33184/pravgos-2025.1.10 //Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 98–103.

Keywords: justice, oath, vow, solemn promise, criminal proceedings, testimony, interrogation

For citation: Latypov V.S. The Criminal Procedural Phenomenon of the Oath: A Legal Rudiment or an Undervalued Public Law Procedure? *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 1, pp. 98–103. [In Russian]. DOI 10.33184/pravgos-2025.1.10.

ВВЕДЕНИЕ

Состояние современного российского уголовного правосудия не может быть охарактеризовано как стабильное, а проводимые в последние десятилетия преобразования в уголовно-процессуальной сфере далеки от завершения. На это указывает ряд факторов, к числу которых следует отнести перманентно вносимые законодателем изменения в нормативную основу уголовного судопроизводства, обусловленные стремлением совершенствовать процессуальные институты, детализировать или исключить отдельные нормы, необходимостью приведения национального законодательства в соответствие стремительно меняющейся политической обстановке [1].

Активное воздействие на формирование современного уголовного процесса оказывают и научно-технические достижения, позволяющие говорить о том, что наше правосудие готово совершить скачок в пространство цифрового будущего, когда решение большей части рутинных процедурных вопросов будет осуществляться с использованием информационных технологий, алгоритмов или искусственным интеллектом [2; 3]. Политика нашего государства, направленная на создание цифрового уголовного правосудия, постепенное увеличение количества стран, использующих «компьютерное правосудие» (Сингапур, Китай, США, Великобритания и др.), а также исследований, завершающихся мотивированными выводами и аргументированными рекомендациями ученых-процессуалистов, в короткие сроки освоивших преимущества GPT-процессов, дают основание прогнозировать грядущие глобальные изменения российской уголовно-процессуальной материи [4 и др.].

Внесенные изменения могут быть необратимы, сказаться на эффективности и справедливости правосудия, что требует принятия взвешенных решений, позволяющих сохранить «национальный дух уголовного процесса». Безусловно, «национальный дух» не является правовой категорией, нормативно не регламентирован, его невозможно вычислить или измерить, но именно этот «дух» отличает наш уголовный процесс от остальных, в том числе за счет реализации тех уголовно-процессуальных институтов и публично-правовых механизмов, которые позволяют укрепить веру участников уголовного судопроизводства в справедливость принимаемых процессуальных решений, неотвратимость, соразмерность назначаемого наказания содеянному и гуманность судопроизводства. Именно в этом видится высшая цель правоприменительной, надзорной и судебной деятельности, спаянной в сложный механизм, именуемый уголовным процессом.

В современных правовых условиях существующей необходимости повышения эффективности уголовного судопроизводства [5], потребности в усилении публичности не только судебных стадий уголовного судопроизводства, но и досудебных стадий расследования, в увеличении ответственности участников уголовного процесса нужно найти новые или модернизировать существующие публично-правовые механизмы обеспечения правосудия.

В настоящей статье предлагаем рассмотреть древнейший процессуальный институт присяги, определить его потенциал, направленный на усиление доверия к уголовному правосудию и повышение ответственности его участников. Полагаем, что это будет способствовать развитию теории уголовно-про-

цессуального права, расширит понимание роли нравственных компонентов в уголовном правосудии и позволит положить начало научной дискуссии о необходимости реабилитации исторических правовых механизмов и интеграции их в современную юридическую практику.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ПРИВЕДЕНИЯ К ПРИСЯГЕ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Толковые словари русского языка определяют присягу (как и клятву) как официальное или торжественное обещание соблюдать верность, поступать правильно, по закону¹.

Историко-правовое исследование писанных источников права позволяет сделать вывод, что присяга как обеспечительная процедура, подчеркивающая официальность проводимого разбирательства и обязывающая лицо, ее приносящее, дать исключительно правдивые показания, известна со времен действия первого писаного памятника отечественного права – Русской Правды. Объективности ради следует отметить, что в данном источнике присяга называется «судебной клятвой», «вольной ротой». Судебную клятву давали в случае необходимости «усилить» показания участников процесса, подчеркнуть их правдивость, при этом практиковалось принесение коллективной клятвы, например, жителями села. Термин «присяга» вводится в употребление в XIV–XV вв. Псковской судной грамотой, согласно которой указанная процедура обеспечивала правдивость показаний допрашиваемых лиц и могла быть противопоставлена судебному поединку (ст. 16–18 и др.). В этом просматривается прообраз состязательного производства, когда на месте совершения преступления к присяге мог быть приведен подозреваемый для обеспечения истинности сообщаемых им сведений.

С XV в. находит распространение процедура принесения «крестоцеловальной присяги», которая восходит к византийскому церковно-

му праву (Судебники 1497 и 1550 гг., Стоглав 1551 г., Соборное Уложение 1649 г.).

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. был определен круг лиц, не допускаемых в мировом суде к даче показаний под присягой: отлученные от Церкви по приговору духовного суда, малолетние, не достигшие 14 лет, слабоумные, не понимающие святости присяги, а также иные категории лиц. В ходе предварительного следствия допускалось приведение к присяге в исключительных случаях: невозможность участия свидетеля в процессе из-за отъезда, болезни и др. Таким образом, процедура приведения к присяге, подобно депонированию [7], позволяла закрепить показания, полученные в ходе предварительного следствия, и не привлекать лицо, давшее эти показания, к участию в судебном процессе. Практическую значимость указанной процедуры сложно переоценить и в современных условиях.

Советская власть, провозгласившая отказ от религии, внесла кардинальные изменения в сформированный на протяжении столетий процессуальный порядок получения показаний. Так, согласно ст. 61 УПК РСФСР 1922 г. законодатель ввел запрет на использование присяги в качестве доказательства. В указанный исторический период произошла замена официальной публичной процедуры принесения присяги, обязывающей участника допроса давать правдивые показания под страхом наказания религиозного или государственного, тривиальным предупреждением об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний (ст. 167 УПК РСФСР 1922 г.).

Какое-либо упоминание о рассматриваемой процедуре в уголовно-процессуальном поле отсутствовало вплоть до 1993 г., когда присяга была введена в УПК РСФСР 1960 г., и применяется теперь для обеспечения деятельности суда присяжных. Именно данный институт сохранил древнюю процедуру принятия присяги участников уголовного судопроизводства, и в действующем УПК РФ, более того, утвержден также ее текст (ч. 1 ст. 332). Присяга присяжного заседателя в современном ее понимании лишена теологической основы и представляет собой торжественную клятву, произносимую перед участниками

¹ Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. М. : Азбуковник, 1997. С. 279, 600 ; Толковый словарь Д.Н. Ушакова онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=58349> (дата обращения: 23.12.2024).

процесса, обществом, судом и осуществляемым правосудием в целом, что, безусловно, накладывает определенные моральные обязательства на присягнувшего.

В контексте проводимого исследования представляет определенный научный интерес изучение вопроса о нормативном закреплении процедуры приведения к присяге или дачи клятвы участниками уголовного судопроизводства в современных зарубежных моделях уголовного процесса отдельных иностранных государств. Были проанализированы актуальные тексты уголовно-процессуальных законов стран постсоветского пространства как исторически близкие к современному российскому уголовному правосудию. Вместе с тем следует отметить, что процедура приведения участников уголовного судопроизводства к присяге (клятве), регламентированная в исследованных зарубежных законах, отличается от российской.

Условно страны, в уголовно-процессуальных законах которых регламентирована процедура получения показаний, можно разделить на несколько групп: 1) не предусматривающие в своем законодательстве процедуру приведения к присяге, принесения клятвы – Беларусь, Таджикистан, Армения, Азербайджан и Туркменистан; 2) предусматривающие в своих УПК процедуру приведения к присяге присяжных заседателей – Кыргызстан, Казахстан; 3) предусматривающие приведение к присяге иных участников уголовно-процессуальных отношений – эксперта и переводчика – Эстонская Республика; 4) регламентирующие получение показаний от участников процесса исключительно после проведения процедуры принятия присяги, произнесения клятвы – Узбекистан, Казахстан, Молдова и Грузия.

Сформулируем некоторые промежуточные выводы. Во-первых, институт приведения к присяге лица, дающего показания, ответственному уголовному судопроизводству знаком начиная с XI в., применялся и совершенствовался он до начала XX в. С 1922 по 1993 г. в уголовном судопроизводстве процедура приведения к присяге не проводилась и нормативно закреплена не была. С 1993 г. присяга как обеспечительная процедура применяется в российском уголовном судопроизводстве в усеченном формате для обеспечения дея-

тельности присяжных заседателей. Во-вторых, присяга в современном уголовном судопроизводстве не имеет религиозного подтекста и применяется не только в странах, население которых исповедует православие.

ПРИВЕДЕНИЕ К ПРИСЯГЕ КАК ОСОБЫЙ РИТУАЛ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРОЦЕДУРА

Уголовно-процессуальный институт дачи клятвы (приведения к присяге) не забыт и активно применяется как особый правонаделительный ритуал, что лишь подчеркивает уникальность данной обеспечительной процедуры. Приведем несколько примеров обращения современного общества к устоявшейся процедуре приведения к присяге: при назначении на должность Президента РФ, судей Конституционного и Верховного Судов РФ, федеральных и мировых судов, Уполномоченного по правам человека, депутатов, сотрудников правоохранительных органов, органов принудительного исполнения Российской Федерации и др.

В качестве юридической процедуры обязательности приведения к присяге (за исключением упомянутого института присяжных заседателей, предусмотренного УПК РФ) сохранена перед дачей показаний экспертом и свидетелем, участвующих в судебном процессе Конституционного Суда РФ, что подчеркивает, помимо правонаделительных, регулятивных функций присяги, ее мотивационную, символическую и идеологическую составляющие. Текст присяги участников российского конституционного процесса нормативно закреплён в § 44–45 Регламента Конституционного Суда РФ² и представляет собой торжественное обещание (официальную клятву) дать правдивые и полные показания.

Сторонники сложившейся процедуры, заключающейся в молчаливом согласии допрашиваемого с тем, что он несет ответственность за дачу ложных показаний, ссылаются на данную предупредительную меру – ст. 307 УК РФ. При этом подчеркнем, что для привлечения к ответственности по ст. 307 УК РФ факта предварительного предупреждения об ответственности вовсе не требуется.

² Регламент Конституционного Суда РФ (принят Решением Конституционного Суда РФ от 01.03.1995 № 2-1/6) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Результаты анализа статистических данных о количестве осужденных по ч. 1 ст. 307 УК РФ за последние 5 лет свидетельствуют об устойчивой тенденции к снижению данного показателя. Так, в 2018 г. количество осужденных за дачу ложных показаний, а также за заведомо неправильный перевод в суде либо в ходе досудебного производства составило 597 человек (оправдано – 10), в 2019 г. – 477 (оправдано – 6), в 2020 г. – 394 (оправдано – 6), в 2021 г. – 344 (оправдано – 5), в 2022 г. – 301 (оправдано – 5), в 2023 г. – 322 (оправдано – 4)³. Столь низкий количественный показатель, стремящийся при этом к уверенному снижению, говорит либо о тотальном свидетельском законопослушании, либо о неэффективности данной запрещающей нормы.

Объективность проведенному исследованию должен придать перечень аргументов, отражающих положительные и отрицательные стороны реабилитации института приведения к присяге участников уголовного судопроизводства при даче ими показаний в ходе производства судебного следствия. Начнем с отрицательных аргументов.

Во-первых, существование действующего правового механизма привлечения к ответственности за дачу ложных показаний; во-вторых, необходимость приведения к присяге усложнит процедуру получения показаний на судебных стадиях уголовного судопроизводства, что может привести к увеличению их продолжительности; в-третьих, отсутствие убедительных доказательств эффективности данной меры.

В качестве положительных аргументов следует указать, во-первых, формирование правовой культуры населения, укрепление правосознания граждан, способствующее повышению уважения к закону и правосудию; во-вторых, приведение к торжественной публичной клятве (присяге) позволяет создать необходимые условия, способствующие осознанию моральной и юридической ответственности допрашиваемых, стимулированию к даче правдивых показаний; в-третьих,

позволяет укрепить доверие общества к судебной системе путем демонстрации серьезности, официальности отношения суда к правдивости показаний участников процесса; в-четвертых, как показало исследование, институт приведения к присяге не является новеллой для нашего уголовного судопроизводства, более того, практика его применения имеет практически тысячелетнюю историю; в-пятых, приведение к присяге должно подчеркивать наступление не только установленной законом юридической, но и моральной ответственности за дачу ложных показаний, побуждать к соблюдению этических принципов, развивать чувство справедливости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращение института присяги не следует рассматривать как излишне детализированный процедурный механизм, которыми, по справедливому замечанию С.Б. Россинского [7], и без того насыщен современный УПК РФ. За торжественным официальным произнесением присяги (официальным обещанием, клятвой) видится высокая воспитательная, стимулирующая, патриотическая ее функция, подчеркивающая нравственную сторону уголовного судопроизводства, в чем и проявляется организационный, правовой феномен незаслуженно забытой процедуры.

Современная процессуальная клятва о даче правдивых показаний не должна ассоциироваться с существовавшим в средневековом уголовном судопроизводстве крестоцелованием, данная процедура должна быть нейтральна к имеющимся вероисповеданиям.

В заключение предложим авторский вариант изменения действующего уголовно-процессуального законодательства России, направленного на возвращение института присяги в современное уголовно-процессуальное пространство. Предлагаем дополнить гл. 37 УПК РФ статьей 276.1 следующего содержания:

«Статья 276.1. Приведение к присяге

1. Потерпевший, свидетель, эксперт, специалист перед дачей показаний приносит в суде присягу.

2. Перед приведением к присяге суд должен объяснить значение присяги и уголовную

³ Судебная статистика. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 25.12.2024). На момент написания статьи статистические данные за 2024 г. представлены не были.

ответственность, предусмотренную ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации.

3. Лица, указанные в части 1 настоящей статьи, зачитывают текст присяги следующего содержания:

"Я, (фамилия, имя, отчество), клянусь, что в ходе настоящего судебного процесса буду давать только правдивые и полные показания об известных мне лично сведениях и материалах, касающихся рассматриваемого дела".

4. Текст присяги после его прочтения и подписания присягнувшим лицом приобща-

ется к материалам дела, о чем делается отметка в протоколе судебного заседания».

Безусловно, допустимы и иные варианты введения института присяги в действующее уголовно-процессуальное законодательство. Этот уголовно-процессуальный феномен позволит усилить впечатление о неотвратимости уголовной ответственности, сформировать правильное этическое отношение допрашиваемых к даче правдивых и полных показаний и, как следствие, повысить доверие общества к правосудию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вискребцев Б.С. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод в российской системе права: причины денонсации / Б.С. Вискребцев, С.И. Рябоконов, А.Б. Сергеев // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 3 (38). – С. 13–19.
2. Яковлева К.Ю. Использование электронной 3D-модели в уголовно-процессуальном доказывании / К.Ю. Яковлева // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2024. – № 3 (105). – С. 142–150.
3. Никурадзе Н.О. Искусственный интеллект в уголовном процессе: перспективное будущее или утопия? / Н.О. Никурадзе, Е.В. Мищенко, Е.А. Марина // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 6. – С. 1134–1143.
4. Долгачева О.И. О возможности применения цифровых технологий и искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве / О.И. Долгачева, Е.С. Кудряшова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2024. – № 2 (99). – С. 168–175.
5. Даровских О.И. Средства и способы обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности / О.И. Даровских. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 240 с.
6. Терехов А.Ю. Необходимость депонирования показаний свидетелей и потерпевших по сложным уголовным делам / А.Ю. Терехов, В.С. Латыпов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – Т. 12, № 1. – С. 115–121.
7. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма vs правила уголовно-процессуального делопроизводства / С.Б. Россинский // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 116–135.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Латыпов Вадим Сагитьянович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Latypov Vadim Sagit'yanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure.

Статья поступила в редакцию 27.12.2024; одобрена после рецензирования 15.01.2025; принята к публикации 15.01.2025. The article was submitted 27.12.2024; approved after reviewing 15.01.2025; accepted for publication 15.01.2025.

REFERENCES

1. Vyskrebtev B.S., Ryabokonev S.I., Sergeev A.B. The European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in the Russian Legal System: Reasons for Denunciation. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Legal Order: History, Theory, Practice*, 2023, no. 3 (38), pp. 13–19. (In Russian).
2. Yakovleva K. The Use of an Electronic 3D Model in Criminal Procedural Evidence. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 3 (105), pp. 142–150. (In Russian).
3. Nikuradze N.O., Mishchenko E.V., Marina E.A. Artificial Intelligence in the Criminal Process: A Promising Future or a Utopia? *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2024, vol. 17, no. 6, pp. 1134–1143. (In Russian).
4. Dolgacheva O. I., Kudryashova E. S. On the Possibility of Application of Digital Technologies and Artificial Intelligence in Criminal Proceedings. *Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova = Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov*, 2024, no. 2 (99), pp. 168–175. (In Russian).
5. Darovskih O.I. Means and Ways of Ensuring the Effectiveness of Criminal Procedural Activities. Moscow, YurLitinform Publ., 2022. 240 p.
6. Terekhov A.Y., Latypov V.S. The Need to Deposit Witness and Victims Evidence in Complex Criminal Cases. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 115–121. (In Russian).
7. Rossinskiy S.B. The criminal Procedure Form Vs Rules of Criminal Judicial Procedure. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2023, vol. 18, no. 1, pp. 116–135. (In Russian).